

# ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

DOI 10.15826/izv1.2021.27.2.046  
УДК 130.2 + 316.75 + 316.6 + 17.022.1

М. А. Мясникова

## МАСКА ОБЪЯСНЯЕТ МИР

**Рец. на кн.: Кириллова Н. Б. Культ маски: исторический контекст. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. — 324 с.**

Статья представляет собой рецензию на книгу доктора культурологии, профессора Н. Б. Кирилловой, вышедшую в издательстве Уральского университета в самом конце 2020 г. Объектом исследования становится маска, главной способностью которой, по мнению автора анализируемой научной публикации, является способность быть посредником между человеком и социумом.

**К л ю ч е в ы е с л о в а:** феномен культуры; маска; социальные метаморфозы; медиатизация; медийность; медиум; имидж

Счастливая мысль вдохновила Наталью Борисовну Кириллову на создание ее новой книги, вовсе не случайной для автора, как может показаться на первый взгляд. Изучая явления сегодняшней быстротекущей жизни, исследователь ставит в центр рассмотрения маску как древнейшее социокультурное явление, неожиданно оказавшееся в последний год едва ли не самым часто употребляемым понятием из-за пандемии COVID-19. Эта книга органично вписывается в круг профессиональных интересов автора, культуролога, искусствоведа, специалиста по экранной и театральной культуре, известного в стране исследователя, пристально изучающего такое глобальное, разветвленное современное явление, как медиа в многообразии контекстов целого ряда наук — медиакультуры, медиафилософии, медисемиотики, медиаполитики, медиапедагогике, наконец, медиалогии, которую определяют как синтез гуманитарных наук. В центре внимания последней находится триада — общество — медиа — человек. Медиалогия, рожденная

---

МЯСНИКОВА Марина Александровна — доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий Уральского федерального университета (e-mail: avt89@yandex.ru).

© Мясникова М. А., 2021

на рубеже XX–XXI вв. и только начинающая обосновываться в теоретическом поле, это дисциплина «о средствах, предназначенных для передачи знаний и традиций» [Кириллова, с. 6].

Культурной формой, служащей «выражением потребности человека познать мир и себя самого, создав “образ”, результирующий этот процесс» [Тихомирова, с. 29], как раз и выступает маска, которая, в свою очередь, тесно связана с понятием «имидж». Последний же как искусство «управления впечатлением» выступает в эпоху глобализации одним из инструментов «адекватной адаптации субъекта к происходящим трансформациям внутреннего (личностного) и внешнего социокультурного пространства» (с. 246)<sup>1</sup>. Причем происходит это благодаря медиа. Исследователь обращает внимание на необходимость дальнейшей разработки теории имиджа, который порой толкуется чересчур расширительно, а то и противоречиво. Для нас любопытна трактовка автором характера взаимоотношений имиджа и маски. «Если маску можно по желанию “надеть”, подкорректировать, а затем снять, это уже можно считать процессом формирования имиджа» — пишет автор (с. 240). Маска может принести пользу, помочь влиться в среду обитания или соответствовать ей. Человек скрывает под маской свои психологические комплексы, страхи, недостатки, при этом выставляя напоказ не всегда истинные достоинства. «Какой бы ни была причина “ношения” психологической маски, она, как и маскарадная, скрывает истинное лицо своего носителя» (с. 241). Существование в нашем современном мире самых разнообразных масок, включая психологические, профессиональные, политические, подробно осмысляемые Н. Б. Кирилловой, делает исследование имиджа и маски как его культурной формы в значительной степени актуальным. А вообще-то «...маска — непреходящий фактор культуры, древней и современной. Ее истоки — в фольклоре и мифологии разных стран» (с. 6), напоминает автор, рассматривая предмет своих научных интересов на фоне разных эпох в контексте его социальных метаморфоз.

Концепция заключена в самой структуре книги, состоящей из пяти глав: 1. Культурогенез маски; 2. Маска в истории театральной культуры; 3. Феномен маски в русской культуре Серебряного века; 4. Маска и миф в экранной культуре XX века; 5. Маска в контексте медиакультуры глобализованного мира. Принципы построения текста — одновременно вертикальный и горизонтальный. Автор связывает события, разворачивающиеся в разных исторических временах и пространствах, последовательно освещая «жизнь» маски от эпохи к эпохе, начиная от каменного века и завершая нашей современностью, с одной стороны; а с другой — переходя от западной культуры (прежде всего театральной) к восточной, описывая маски европейских и голливудских кинодив, а следом — звезд советской «атлантиды», вводя всех в общемировой контекст. При этом под одной обложкой возникают неожиданные сопоставления, прежде в таком ракурсе не проводимые. Автором «управляют» не только хронология и география, но и стремление проанализировать наиболее яркие художественные направления, оценить вклад отдельных выдающихся личностей в мировую культуру, увидеть

<sup>1</sup> Здесь и далее в тексте в круглых скобках даются страницы рецензируемой книги.

историко-культурный след, оставленный созданными ими масками в памяти человечества. Применительно к театру — это маски, рожденные античностью, искусством средневековой Европы, «вихрями» итальянского карнавала, творчеством деятелей эпохи Просвещения, а также русских скоморохов и представителей Серебряного века в России, наконец, праздничной игровой культурой стран восточного мира, включая Индию, Китай, Японию, Корею. Здесь звучат имена Эсхила и Аристофана, Сенеки и Плавта, Карло Гоцци и Карло Гольдони, Пьера Бомарше, Ричарда Шеридана и Генри Филдинга, деятелей русской живописи, поэзии, балетного, драматического театров и даже эстрады — Александра Бенуа, Александра Блока, Сергея Дягилева, Михаила Фокина, Николая Евреинова, Александра Вертинского, Всеволода Мейерхольда, Евгения Вахтангова. В экранных медиа хранится память об Асте Нильсен, Грете Гарбо, Чарльзе Чаплине, Максе Линдере, с одной стороны, и Любви Орловой, Аркадии Райкине, актерах Леонида Гайдая, куклах политических телешоу «Куклы» и «Реальная политика» — с другой. Все они в свое время подарили публике яркие образы-маски, которые несли на себе печать разных времен и социумов.

Предложенный принцип рассмотрения эмпирического материала не выглядит эклектично. Автор проводит осознанный отбор фактов культурной жизни, с удовольствием излагая и разбирая их, чтобы заразить читателя своим глубоким, профессиональным интересом к ним. И здесь следует сказать о несомненной пользе книги для старшеклассников и студентов, которые, как показывает опыт общения с ними, довольно слабо ориентируются в описанном материале. Ведь в школе совсем не изучают историю и теорию театра или кино. Даже учителя имеют недостаточное представление о такой широко распространенной в мире дисциплине, как медиаобразование, служащей обучению восприятия медиа. Школьная программа по-прежнему исключительно логоцентрична.

«Маска как атрибут одновременно и материальной, и духовной культуры с самого начала своего возникновения была полифункциональным явлением», — пишет автор (с. 25), подробно изучая функции маски (эстетическую, гедонистическую, познавательную, интегрирующую, креативную, релаксационную), особое внимание уделяя посреднической и коммуникативной. Наше время обозначается как новая медийная цивилизация, для которой характерно мощнейшее влияние индустрии информации на бытие человека и человечества. Массмедиа стали полноценным социальным институтом, влияющим на развитие общества, которое все в большей степени зависит от них. В связи с этим автор пишет о процессах медиатизации, сущность которых сводится к интеграции медиа в различные сферы жизни общества и влиянию их на саму личность, к формированию так называемого «медийного» человека, «который вынужден постоянно менять стратегии медиапотребления, расширяя свои коммуникационные возможности» (с. 220). В результате трансформируются внешний и внутренний мир человека. Возникает новая социально-культурная среда его обитания — виртуальный мир, соперничающий с объективной реальностью. Причем человек в интернете «надежно укрыт» некой новой «маской» (в виде ника — интернет-псевдонима), «защищен, но зато и менее связан условностями, а потому и более откровенен»

(с. 229–230). Маска, несомненно, способствует общению людей, активизации культурных контактов, служит невербальным средством связей между людьми и даже «наглядно-образной формой объяснения действительности» (с. 28).

В нашем тысячелетии у маски, которая на протяжении истории культуры и искусства «наработала» множество значений, появляются новые функции и культурные коды. Дополнительные смыслы маска приобрела в период пандемии. Теперь маска — знак опасности и вовсе не фантазийная игра воображения, как прежде, а жесткая необходимость и бытовая реальность, с которой приходится считаться. Такие уроки получает для себя читатель благодаря этой яркой и полезной книге.

К несомненным ее достоинствам относятся: богатство эмпирического материала, широта охвата серьезных научных проблем, скрупулезность анализа, смелость историко-культурных сопоставлений, а также междисциплинарность, отвечающая современным трендам. Феномен маски изучают сегодня антропологи и этнографы, историки и социологи, культурологи и театроведы, что, как пишет автор, «свидетельствует об актуальности и неисчерпаемости самой темы» (с. 6), с чем, безусловно, стоит согласиться.

---

*Кириллова Н. Б.* Медиалогия. М., 2015. 424 с.

*Тихомирова Е. Г.* Маска как культурная форма // Наука. Искусство. Культура. 2017. Вып. 2 (14). С. 28–35.

*Рецензия поступила в редакцию 29.03.2021 г.*